

*И никуда нам больше не деться,
кроме как выжить и отогреться,
на удивление всем, кто сказал «Прощай!».*

Лучше, если б счастлив... Если нет —
все равно отчаиваться рано,
в жизни каждого бывает драма
в душу проливающая свет.

— Лет пять тому назад в телевизионной передаче о Вас я услышала фразу, которая уже «ушла в народ» как афоризм: «Где Олег Митяев — там и фестиваль!» Другая известная версия афоризма: «Митяев — человек-фестиваль!» А у Вас есть самый любимый фестиваль? Такой, к которому Вы наиболее причастны?

— К сожалению, телевидение, да и другие СМИ в последнее время очень мало внимания уделяют фестивальному движению. Для них существует программа «Голос», или «Евровидение», или еще что-то, к чему якобы приковано внимание молодежи. И это даже не беда нашей молодежи, а проблемы наших средств массовой информации. Ведь фестивали авторской песни происходят по всей стране, но массовый зритель или читатель об этом ничего не знает. Никто их об этом не оповещает. А без поддержки СМИ «Соловьиная трель» под

Олег Митяев — народный артист России, член Союза писателей России, автор песен, известных миллионам людей и в нашей стране, и в близком, да и в далеком зарубежье. Обладатель многих престижных премий за творческую деятельность. Песни его поют в разных краях планеты на многих языках мира, ведь каждый человек, встретившись с друзьями на любимом песенном фестивале, легко согласится с его словами: «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...»

— Что-то из прочтенного в юные годы в «Юности» художественного, что-то из прозы или стихов, помнится до сих пор?

— В журнале «Юность» в 1976 году я прочитал стихотворение поэта Ветрова. Помню и сейчас эти строчки:

Среди ночи выйти на балкон,
постоять до истечения ночи,
то ли счастлив, то ли озабочен,
обдуваем ветром с трех сторон...

Курском еле жива теперь, и большие трудности у фестиваля «Приморские струны» во Владивостоке.

Но вот что касается моего родного Ильменского фестиваля, то там все в порядке. Но «все в порядке» — на такой немодной, непопулярной волне, где собираются неубиваемые лирики и романтики и поют свои песни.

Всероссийский Грушинский фестиваль в последние годы переживает множество пертурбаций, но я надеюсь, что они закончатся, и мы наконец-то займемся творческой частью.

— *Есть надежда на это?*

— Надежда всегда с нами!

— *«И никуда нам больше не деться, кроме как выжить и отогреться, на удивление всем, кто сказал „Прощай!“». Вам самому кажутся эти строчки пророческими?*

— Вот что-нибудь «брякнешь», как говорил Жванецкий... Думаешь, фигня какая-то. А потом оказывается — это хит. Удивительно, именно об этих строчках вспомнил Захар Прилепин, когда пригласил меня на передачу. Вот эту песню «Ну, как я уеду» он тогда вспоминал. Сейчас приходит понимание, что это какие-то концентрированные ощущения от тех лет.

Вот в конце прошлого года моя песня «Никому не хватает любви» была награждена Национальной музыкальной премией «Виктория».

Непонятно мне, что происходит:
Столько дней мелкий дождь моросит.
Старый друг, как поют, не приходит,
И мне некого больше спросить.
Центробанк курс валют повышает,
Повышается сахар в крови.
Но любви почему не хватает,
Никому не хватает любви?

Как же так, ведь все время хватало,
Ведь она, словно воздух, была:
По весенним шаталась кварталам
И над городом нашим плыла.
И правительство не представляет,
До чего всю страну довели:
Не хватает любви, не хватает,
Никому не хватает любви.
Не хватает народу веселья:
Не шального с похмельем злым,
А чтоб радость в тебе, а не зелье,
Улыбалась проходим любым.
И ведь кто-то сейчас ожидает,
Ты ему позвони, позови,
Потому что ему не хватает,
Как и всем во Вселенной, любви.
Да, никому не хватает любви.

Строчки про правительство стали заголовком статьи, в которой рассказывалось о присуждении мне этой премии.

— *«И правительство не представляет, до чего всю страну довели!»?*

— Да, это одна из важных причин, почему не уделяется в СМИ должного внимания авторской песне. Ведь барды — это в основном свободно мыслящие люди, и они могут что-то такое брякнуть, не совпадающее с «политикой партии и правительства».

— *Барды такое «брякнуть» всегда могут. Вспоминаются сейчас наши великие юбиляры: в прошлом году — 100-летие Александра Галича, в этом году в мае 95 лет исполнилось бы Булату Окуджаве, 20 июня — 85 лет Юрию Визбору... Из их песен Вам запомнились какие-то пророческие строчки?*

— Конечно. Недавно мне Лариса Коробицина, председатель нашего Челябинского областного клуба самодеятельной песни, которая всегда была и остается нашей бардовской второй мамой, прислала статью под названием «Песни, унесенные ветром». На самом деле куда-то исчезают эти песни, почему их нигде не слышно? Если бы мне раньше сказали, что это делается специально, я бы не поверил, сказал бы: «Какая ерунда!» А сейчас мне кажется, что это делается специально, и вот эти строчки Визбора:

Все на продажу понеслось,
И что продать, увы, нашлось,
В цене все то, что удалось
и спрос не ходит на интриги...

Это же просто сегодняшний день. Современность... В 2009 году мы пришли на Первый канал к Юрию Аксюте, которого я держал в курсе того, что мы готовим к выпуску диск на стихи Александра Сергеевича Пушкина и музыку Давида Тухманова. Мы так долго работали над этим альбомом, что как раз тут и подошло 210-летие Александра Сергеевича, и я сказал: «Юра, ты смотри, как хорошо получается! Как раз ложка к обеду!» А он ответил: «Какой Пушкин?! Сейчас будет “Евровидение”, о каком Пушкине ты говоришь?»

— *Да, это все очень грустно. А Булат Окуджава? Это песня надежды, наверное?*

— Булат Шалвович существовал как-то вне... У меня, по воспоминаниям, сложилось такое объединение отношения к окружающей реальности Булата Шалвовича Окуджавы и Эльдара Александровича Рязанова, с которым мы общались последние десять лет его жизни. И конечно, я видел, что они очень возмущались чем-то. Но прямо об этом не говорили.

Пресс-конференция на Грушинском фестивале.
Евгений Евтушенко, Борис Кейльман, Олег Митяев

И Окуджаву, и Рязанова считали себя в какой-то степени виноватыми в происходящем. Процесс изменений в нашем обществе настолько растянут во времени, что никто не знал, чем это закончится и чем это продолжится. Потому что не закончится это, видимо, никогда.

— *О конце света не хочется думать... Вернемся мысленно на Грушинский фестиваль. Мне вспоминаются рассказы о том, что на фестиваль приезжал отец Валерия Грушина и в своем выступлении сказал о подвиге своего сына: «Верю, что каждый из вас поступил бы так же...» Валерий Грушин погиб, спасая детей, он бесстрашно бросился в бурную сибирскую реку. Разве каждый способен на такой поступок?*

— Для того чтобы каждый из молодых людей становился способным на подобный порыв, мы должны об этом хотя бы говорить. Рассказывать о том, что это было. Чтобы звучали песни о мужестве, о душевной чистоте и настоящей дружбе... А ведь мы практически нигде не слышим этих песен. И мы теряем невероятную возможность воспитывать молодежь на подвигах наших героев. Человек без колебаний бросился в воду и спас детей! К сожалению, сам погиб... Но разве это не достойный повод, чтобы слагать об этом песни и вокруг этого объединять молодежь? Но об этом, мне кажется, никто даже не задумывается. А надо, чтобы молодежь знала, что они приезжают не просто песенки попеть, они должны знать и понимать, ради чего это все происходит.

Сейчас я вместе с единомышленниками пытаюсь сделать музыкальный спектакль о жизни Валерия Грушина. Его жизнь была недолгая, но все,

что было после, может быть, будет называться «Барды», и хотелось бы, чтобы это прозвучало мощно.

У меня есть идея такого клипа: возле ручейка горит костерок, вокруг прекрасная зелень, в котелке уже закипает уха, вокруг костра сидят барды в штормовочках и поют песни, дым ест глаза. Такая классическая картина, потом камера отъезжает, и оказывается, что все это находится на крыше небоскреба, а вокруг все эти пробки, смог, трубы и крупными буквами написано: «ГРУШИНСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ — ЭКОЛОГИЯ ДУШИ».

— *Это круто, как молодежь говорит.*

— Только мне кажется, что это никому не надо.

— *Нет, есть люди, которым это надо, может быть, они и не знают, что им это надо. И необходимо им об этом поведать.*

— Недавно я выступал на ТВ «Россия. Культура», и в той передаче показывали, как лет двадцать назад приезжал на Грушинский фестиваль актер Игорь Верник. Он там походил, поспрашивал и сказал: «Ну, это все в прошлом, а я пошел дальше в будущее».

А я вдруг понял, что барды настолько ушли далеко вперед, что многим еще придется их долго догонять в своей позиции и по отношению к природе, и по отношению к душе, и по отношению к слову. Это все невероятно ценно. Все, что накоплено в этом жанре. Нельзя это утратить.

— *Отношение к слову... Сейчас подумала о том, что хорошо бы на Грушинском фестивале премию учредить с простым названием «СЛОВО» за слова в песне или за стихи, с которыми приезжают конкурсанты на фестиваль. Как Вы относитесь к этому предложению?*

— Я не против, но первоочередным считаю открытие на Грушинском фестивале сцены поэзии. Необходимо, чтобы была создана поэтическая площадка, где бы выступали и молодые поэты, и приглашенные нами известные авторы. Это очень важно.

— Как председатель художественного совета Грушинского фестиваля Вы считаете, что все-таки на Грушинском фестивале нужны конкурсы поэзии?

— Обязательно! Я всю жизнь борюсь за то, чтобы на фестивали авторской песни приезжали настоящие поэты и настоящие музыканты. И звучали песни, в которых все на самом высоком уровне, например, у Сергея Никитина или у братьев Валерия и Вадима Мищуков.

Обязательно нужен конкурс поэзии. И его надо расширять, и надо приглашать поэтов. Радостно было, что Евгений Евтушенко совпадал с нами в этом стремлении. Его приезды на Грушинский очень подняли планку для выступающих. Есть на что равняться. Но вот такое направление «мирзояновско-бродское», мне кажется, мало представлено, оно должно стать мощнее, и есть такие люди, мы их будем приглашать.

— И мне радостно, что вам по душе приезды Евгения Евтушенко. Я его пригласила еще в 2007 году! Мне в голову пришла такая идея — пригласить великого поэта на Грушинский фестиваль, и он сразу откликнулся.

— Поэзия важна и для песен в рок-музыке, и для авторской песни, и для любой песни. Конечно, не всегда авторам удается найти гармонию, когда на высоком уровне и музыка, и стихи. И, наверное, лучше, чем у Виктора Берковского и Сергея

Никитина, это ни у кого не получалось. Мне нравятся песни Андрея Крамаренко на стихи Пушкина и нашего современника Бориса Рыжего — потрясающее совпадение музыки и стихов. Гармония найдена, и звучит Пушкин по-сегодняшнему свежо... Но такого, конечно, мало.

— А Джош Ланца, наш американский друг? Не слышали его песни?

— Он на каком языке поет? На английском?

— Нет, он на русском поет, немножко с акцентом. Он стал лауреатом Грушинского фестиваля с песнями на стихи Пушкина. На Грушинском Джоша полюбили. Галина Хомчик его ласково называет Джошиик. Он и Высоцкого теперь поет.

— Ну я только приветствую приезд на наши фестивали авторской песни иностранцев и сочинение ими песен на стихи великих русских поэтов! Это замечательно!

— Существуют такие опасения на фестивале, что если поэтический конкурс развивать как самостоятельную номинацию Грушинского конкурса, то слишком много понаедет поэтов и они все заполонят!

— Как было бы прекрасно!

— А если и вправду заполонят и деваться от них некуда будет? В России действительно многие пишут стихи. Но, может быть, пусть едут? Это же утешения для человека — стихосложение. Поможем им в этом?

— Да, конечно! Это опасение мне кажется абсолютно не имеющим под собой никакой почвы. Не понаедут, не будет такого. Там реально деньги, что ли, дают за это? Нет, я думаю, что настоящих поэтов всегда будет мало и нам нужно просто

приглашать лучших. А если кто-то соревнуется, да ради бога, мы будем просто счастливы, мне кажется, пусть все услышат прекрасную поэзию. Пока на сегодняшний день этого очень мало, это должно быть гораздо больше.

Конечно, чтобы выступить на «Гитаре», должна быть некая эстрадность, умение интересно представить свое стихотворение. Я уверен, что, например, Игорь Иртеньев может так прочесть, что всколыхнет Гору. Вообще-то где, если не на «Гитаре», читать хорошие стихи? Если не будет настоящая поэзия звучать на «Гитаре», значит, мы вообще катимся с Горы...

Что касается лауреатов, то для них должна быть разработана большая программа именно с выпуском диска, сборников и гастрольями. Обязательно в Грушинском клубе должны быть организаторы концертов лауреатов фестиваля. Вот я сейчас об этом буду очень много говорить и буду стремиться, чтобы это получилось. Вот, например, в ансамбле «Песни нашего века» люди занимаются организацией концертов, и в течение года люди худо-бедно зарабатывают этими выступлениями. Но даже нас волнует больше вторая составляющая: то, что они несут настоящее слово людям. Тем, кто еще хочет услышать настоящие песни для думающих людей. Беда в том, что хотят все меньше и меньше, уже и журналов стало гораздо меньше, и радиостанций для думающих людей меньше...

— *Марина Цветаева говорила, что для творчества существует единственный судья — будущее. Для Грушинского фестиваля, возникшего более пятидесяти лет назад, это будущее уже настало. И что оно говорит фестивалю?*

— Мне думается, что сейчас вот это будущее, от лица которого мы собираемся говорить о Грушинском фестивале, меня лично очень сильно не устраивает. Оно растеряло много хороших вещей, а приобрело какие-то сомнительные ускорители. Мы куда-то ускоряемся, куда-то бежим, и вот мы даже иногда выпиваем с друзьями за приостановление научно-технического прогресса, потому что нравственные позиции мы все быстрее теряем. И Грушинский фестиваль для меня очень интересен тем, что он сохраняет эти традиции — или теряет гораздо медленнее, чем все наше общество. И поэтому еще многие люди приезжают на фестиваль, пытаются найти там то, что было раньше. А мы не дорожим этим, мы сейчас сами становимся гораздо более страшными противниками этого фестиваля, чем у него были раньше.

Если раньше был комсомол, который пытался завернуть все в свою сторону, то теперь у всего общества появился общий враг — алчность, которая

Олег Митяев, Иван Ургант, Мадс Миккельсен
(на передаче «Вечерний Ургант»)

перехлестывает все другие человеческие чувства. Враг этот и у фестиваля авторской песни тоже. Мы теряем людей. Они уезжают в другие страны, уходят в другие сферы зарабатывать деньги. Возможно, что они вернуться потом, когда заработают, и заживут более спокойно. Опять сядут на кухне и будут петь песни, я надеюсь. Если этого не случится, то это будет вообще ужас. Потому что нам казалось, что это только начало постижения высокой культуры, и авторская песня — только ступенька к высокой поэзии, к высокой культуре, а оказалось сейчас, что мы сегодняшние не дотягиваем до нас вчерашних. Современный уровень культуры не дотягивает до того, который был 20–30 лет назад, когда из людей все это вырывалось, им хотелось собираться, читать стихи на стадионах, у костров... И это было прекрасно, потому что мы думали о чем-то высоком, духовном. Сейчас большая часть разговоров, которые я слышу, — это разговоры о заработках, о квартирах, о ценах на продукты. Продуктов стало больше, а счастья меньше.

— *Чувствуются ноты ностальгии, и не только ноты, а целые куплеты ностальгии по времени, когда стрем-*

ление души было в песне и оно преваляриовало над всем... Может быть, Вы и согласились стать председателем худсовета Грушинского фестиваля, чтобы помочь сохранению традиций?

— На самом деле я никогда не занимал никаких постов, во всяком случае точно уж не стремился занимать никакие посты и как-то делать карьеру, а просто откликнулся на просьбу руководителей Грушинского клуба, потому что я их очень уважаю и очень многим им обязан. Они мне предоставляли возможность участвовать в этом фестивале, и конечно же, председатель художественного совета — это только председатель, ведь еще есть художественный совет, и наша общая главная задача — найти общие пути для того, чтобы фестиваль продолжал жить.

— У меня сложился образ Олега Митяева как спасателя. Спасателя жанра. Спасателя фестивалей авторской песни. А вот просто в жизни самому доводилось спасти человека тонущего? Ведь вы по институтскому диплому — тренер по плаванию?

— Не хочется о себе рассказывать в героическом тоне, потому что «спасение на водах» — это рутинная работа жителя прибрежного района, и это происходит регулярно, просто в связи с местом расположения. Сначала я сам тонул, потом стал спасать других, и это происходит весной, зимой, летом, круглый год. Поэтому вешать себе медали на грудь не хочется, это просто жизнь у озера.

— Ну уже можно считать, что жизнь у озера удалась, если кого-то спас. По стихам можно понять, какое время года любимое у поэта. Вот, например, Пушкин писал: «Ах, лето красное, любил бы я тебя, когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи...» А вот у Олега Митяева: «Лето — это маленькая жизнь...» «Крепитесь, люди, скоро лето...» Я угадала, что это любимое время года?

— Нет, это Эльдар Александрович Рязанов любил соединять строчки из моих двух песен: «Крепитесь люди, скоро лето, а лето — это маленькая жизнь». А мне, к счастью, нравится осень, зима, весна и лето.

— Это признак оптимизма, когда нравятся многие времена года!

— Не многие, а всего четыре.

— Как же не любить, их и так мало. Но все-таки лето — это время фестивальное, и есть, наверное, летнее ожидание чуда, которое, может быть, произойдет на фестивале?

— Конечно, есть — это ожидание таланта! Но встреча с талантом не обязательно может случиться летом. В Норильске проходили прекрасные фестивали, укрепленные ужасными морозами и ветрами, которые просто с ног сбивали. Все равно мы куда-то ехали, и где-то в мороз нас угощали сказочной строганиной! И было очень много придумано, родилось много идей в дружбе с Норильским драматическим театром, они очень хорошо знали тему бардов, поэтому капустастики с ними получались невероятные. Поэтому северные зимние фестивали — это тоже здорово. Но и летние — замечательные и любимые: в конце первого летнего месяца на Урале — Ильменский фестиваль (28–30 июня), и через неделю в первые выходные июля — Грушинский фестиваль. Поэтому, конечно, летом особое чувство: труба зовет и хочется в поля!

Беседовала Ирина Алексеева